

Национальная библиотека

выпуск 1 / 2026

Алина Ланина
Национальная библиотека.
Выпуск 01/2026. Проза. Поэзия
Серия «Национальная библиотека
2026 (Четыре)», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74305931

Национальная библиотека. Выпуск 1:

ISBN 978-5-908132-46-6

Аннотация

Проект «Национальная библиотека» – это встреча культур на одном развороте книги. Проза и поэзия, собранные здесь, знакомят читателя с укладом, традициями и мироощущением разных народов России. Открывая книгу, вы совершаете путешествие от солнечного Кавказа до Приамурья, от Валдая до советского Казахстана в попытке понять главное: при всём многообразии блюд и обычаев нас всех объединяет любовь к родной земле и стремление к добру.

Содержание

Роман Абубакер	8
В окошке свет	10
За каждый день	12
Следы	13
Всё мне сказали глаза	14
Стихи и проза	15
А ты не сказала	17
Кошка	19
Бездушный камень	20
Не торопите женщин	22
Страницы жизни	23
Любил	24
Умчались дни	25
Внутри	26
Пёс	27
О чём грустят глаза	32
Я рядом	33
Берёзы	35
Я с грустью смотрю...	37
Я свежесрезанный цветок	38
Город	39
Послушай, как играет осень	40
И это тянет	42

Задумчив вечер	43
Знакомые люди	44
Уметь молчать	45
Мне снится мир	46
Рай и Ад	47
О, как же мне хочется	48
Марина Дзамашвили	50
Варя	52
Девяностые, или Здесь нет войны	56
Царское варенье	60
Привал, или Просто про любовь	66
Юг, дом, сад и крыша!	76
Чанка	80
Сергей Ердяков	83
Кто ты?	86
Русь моя	87
Дорогие мои старики...	88
Молитва	90
Двенадцать месяцев	92
I. Январь	92
II. Февраль	93
III. Март	93
IV. Апрель	94
V. Май	95
VI. Июнь	96
VII. Июль	96

VIII. Август	97
IX. Сентябрь	98
X. Октябрь	99
XI. Ноябрь	99
XII. Декабрь	100
XIII. Новый год	101
XIV. Меняясь по кругу	102
XV. Двенадцать месяцев	102
Дорога – и сказка, и быль	104
I. Да движется снова в дороге клубок	104
II. И курсом ложится на солнечный брег	105
III. Всё манит, как прежде, серебряный век	105
IV. Талантов и помыслов вечный исток	106
V. Различным мгновеньям отпущен свой срок	107
VI. Велик и красив в доброте человек	108
VII. Опасны вершины, но манят вовек	108
VIII. Огромные дали немерных дорог	109
IX. Прекрасные виды есть миг волшебства	110
X. Повсюду найдутся в поддержку слова	111
XI. Да счастье, что в мире есть слово «любовь»	112
XII. Над каждым из нас есть особенный свет	112
XIII. Удача, как птица, появится вновь	113
XIV. Светлеет и чуть выплывает рассвет	114

Национальная библиотека

Выпуск 1

© Издательство «Четыре», 2026

Роман Абубакер

Москва

Родился в 1972 году. Морской пограничник. Лучший охранник алмазов СССР на заводе «Кристалл». Основатель бренда электроники AREKAMI (Китай). Музыкант, автор и исполнитель песен. Путешественник. Член Объединённого союза деятелей культуры и искусства. После 40-летнего перерыва с 2022 года пишет стихи. Лауреат международных конкурсов. Публиковался в сборниках и альманахах, включён в международный реестр деятелей культуры и в «Антологию русской поэзии» (2024–2025). Автор книг: «Осень бродит по дорожкам», «Мелодия моей души», «Прошу, не говори “прощай”», «В объятиях чувств». Номинант премий «Наследие», «Поэт года», «Перо и слово» им. А. С. Пушкина. Награждён звездой «Наследие» II и III степеней, медалью «Святая Русь», медалями в честь М. Лермонтова, А. Пушкина, А. Блока, Б. Окуджавы, А. Грибоедова, С. Есенина.

В окошке свет

В окошке одиноком свет горел,
Сидела женщина – читала.
Пушистый кот, мурлыкая, смотрел,
На кухне музыка играла.

Чай на столе её давно остыл,
Забыты вкусные конфеты.
Она не слышала, как ветер выл,
Искала в книгах лишь ответы.

Она листала старые тома,
Где между строк таились грёзы.
За стёклами густела ночи тьма,
И на ресницах сохли слёзы.

Но в тишине рождался новый миг,
Надежды робкое дыханье.
И чей-то тёплый позабытый лик
Дарил покой и состраданье.

Мелькали тени на седой стене,
Часы размеренно стучали.
Душа летела к дальней стороне,
Где нет ни горя, ни печали.

Там, за окном, холодный небосвод
Рассыпал звёздные алмазы.
И жизни тихий, медленный черёд
Сплетался в сказочные фразы.

Пусть мир уснул в объятьях темноты,
Но в этом доме всё иначе.
Здесь оживают светлые мечты,
И сердце больше не заплачет.

В окне не гаснет долго тихий свет,
Сидит с котом она, читает
О светлой памяти прошедших лет,
Которые прекрасно знает.

За каждый день

За каждый миг, за счастье на мгновенье —
Платить судьбой – лишь горький мне наказ.
Но я приму и боль, и сожаленье,
Чтобы увидеть блеск любимых глаз.

Ты говоришь: за радость – боль в уплату,
За смех и слёзы, солнце – хмурый день.
Но я готов пройти сквозь всю расплату,
Лишь бы твой свет не угасал совсем.

За каждый день, за нежное мгновенье —
Судьба в слезах, как строгий свой налог.
Но даже в скорби есть благословенье,
Ведь был тот свет, был миг среди дорог.

Шептала жизнь сквозь годы и ненастья:
«За радость – скорбь, за смех – печаль в ответ» —
И в памяти живёт твоё участие,
Но не жалею: был тот светлый след.

За каждый взгляд, что сердце согревает,
За миг мгновенья, полного огня,
Я заплачу: любовь меня питает,
Ведь ты была, и свет пронзил меня.

Следы

Ветер стирает следы на песке,
Время уносит забытые фразы,
Но иногда, в мимолётной тоске,
На берегу мы находим алмазы.

Мы – как два берега тихой реки,
Ты – как восход, я – закатом в шафране.
Кажемся рядом, но так далеки,
Как две волны, что живут в океане.

Может, ещё повезёт нам в любви,
В устье сольёмся, пусть где-то в лимане.
Лучиком тёплым ты ранней зари,
Я же – другой, словно ёжик в тумане.

Юность – два берега тихой реки.
Кажется мне – всё ушло безвозвратно.
Часть моей жизни – судьбе вопреки,
С утренним солнцем, с шафраном – обратно.

Всё мне сказали глаза

Всё мне сказали глаза на портрете,
Тайна в улыбке и радостный взгляд.
Долго вникал я в оттенки при свете,
Вглубь я смотрел, всё искал звукоряд.

Как положить мне на музыку строчки?
Как мне создать мелодичность из них?
Как написать, где найти голосочки,
Чтобы ожил незатейливый стих?

Ночи без сна, и в бреду на рассвете,
Словно хожу пьяным рано с утра.
Снились мне ноты, куплеты все эти,
Ведь вдохновенье пришло мне вчера.

Вот уже что-то рождается сразу,
Но, примелькавшись, спускается вниз.
Всё это не поддаётся приказу,
Ни в голове, ни как лёгкий каприз.

Всё получается только случайно.
О муза, ты открываешь мечту!
Там, где любовь, там возносится тайна,
Там, где видны чувства начистоту.

Стихи и проза

Волна и камень – вечный спор,
Стихи и проза – два пути.
Один глядит на кромку гор,
Другой не может вдаль идти.

Один кипит, как океан,
Второй молчит, как древний сфинкс.
Один – целительный бальзам,
Другой – опасный, словно рысь.

Но друг без друга им нельзя,
Как ночь не может без луны.
Одна – прямая колея,
Другой цветные видит сны.

В тандеме вечной теплоты,
Где лёд и пламя сплетены,
Родятся новые мечты,
Как в унисоне две струны.

Они сошлись в единый миг,
Как свет и тень в лесу густом.
Один – бунтарь, другой – старик,
Что дремлет в кресле под окном.

Один горит, как яркий луч,
Другой – холодный, словно сталь.
Один взлетает выше туч,
Другой лишь смотрит только вдаль.

Но в этой разности – секрет,
Что движет миром и судьбой.
Где тьма густа – там ярче свет,
Где тишина – там слышен бой.

Так лёд и пламень, жар и хлад
Сплелись в причудливый узор.
Их вечный спор, их вечный лад —
Вселенной творческий мотор.

А ты не сказала

А ты не сказала «прощай», уходя,
И дверь в моё сердце закрыла тихонько.
По лужам ушла, тихо в каплях дождя,
И чтоб не промокнуть, ступала легонько.

Как кошка, на цыпочках шла по воде,
Свой зонт не взяла, он остался в прихожей.
Оставила только записки везде,
Такие, что с ними мурашки по коже.

Их все разложила, ты знала места,
Где я их увижу, прочту ненароком.
Так много их было, наверно, полста,
Ты словно мальчишку учила урокам.

Похоже, как будто английский уча,
Бродил, по порядку листки собирая.
Читал, что писала, под нос бормоча,
Я все отыскал, в кошки-мышки играя.

Но вот на одном ты тетрадном листе
С размахом «люблю», уходя, написала.
Ты знала, как дороги чувства мне те,
Рукой проведя по щеке, прошептала.

Я думал, что будешь ты рядом всегда,
Твой запах волос будет мне колыбелью.
О, как же прекрасны дни были тогда
И наши с тобой городские метели.

Когда со снежинками руки твои
Держали цветы, обо всём забывая,
Я видел в глазах твоих мысли свои,
Тихонько слова о любви напевая.

Я знаю, вернёшься, и сбудутся сны,
Где были мы счастливы так, словно дети.
Такие беспечные, ждали весны
И радости все собирали на свете.

Кошка

По городу гуляет кошка,
Одна по улице идёт,
Увидит свет в ночном окошке —
Напротив сядет, подождёт.

Её вдруг из окна увидят?
Еды в тарелке принесут,
Дадут колбаски, не обидят,
К себе, быть может, позовут.

И, посидев ещё немного,
Тихонько встанет и пойдёт.
Возможно, новая дорога
К кому-то точно приведёт.

Идёт задумчивая кошка,
Чуть грустная, и мало сил.
Ей хочется сейчас немножко,
Чтоб кто-то гладил и любил.

Бездушный камень

О друг мой! Слух склони на мудрый стих,
Где правда, как алмаз, сверкает в гранях.
Жизнь – не забава в обликах людских,
А путь, где каждый шаг – в твоих лишь дланях.

Оставь всем сердцем память, чистый след,
Чтоб каждый день любя творить душою.
Без жажды празднеств и слепых побед,
В нём смысл всегда есть – быть самим собою.

О, упование! Бездна тщетных струй!
Напрасно воду льёшь в безжизненную гладь,
Тот камень неживой и не фэншуй,
Не суждено ему красивым древом стать.

И даже если в нём покой веков,
Не всякий грунт его с любовью примет.
А сердце – камень, то в тиши песков
И в озере росточка не поднимет.

В стремлении упорном лик склонив,
Ты не шепчи, руками обнимая:
Холодный камень глух и молчалив,
Жить будет так всегда, не умирая.

Он – грань между миров, что было – будет,
Он есть вопрос застывший, без мечты.
Нагреет его солнце – дождь остудит,
Его польёшь – не прорастут цветы.

А тот, кто людям дарит щедро свет
В мгновении или в простом сюжете,
Находит свой лишь в доброте завет,
В людской судьбе, как грани в самоцвете.

Не торопите женщин

Не торопите женщин собираться,
Им очень важен собственный настрой.
Серьёзный взгляд их может поменяться
В любом процессе этом с головой.

Они свои пусть пёрышки разглядят,
Поднимут настроение себе.
Всё успевают и со всеми ладят,
Но вдалеке скучают о тебе.

Не торопите женщин собираться,
Пусть искренне любят себя.
Ведь им всегда есть для кого стараться
И перед кем похвастать красотой.

Хвали её, но только не украдкой,
И если сердится, то сразу же прощай,
Всегда целуй волнительно и сладко,
Сказать «люблю», обняв, не забывай.

Страницы жизни

Страницы жизни всё листаешь,
Как книги, любишь ты читать.
Уже себя ты лучше знаешь
И помнишь, кем хотелось стать.

Ошибки разные, победы
С рождения даны судьбой.
И небольшие даже беды
Порою рушили покой.

Но никому не обещаешь
Того, что сделать не готов.
Что нужно, чётко выбираешь
И чаще без редакторов.

Пусть интуиция подскажет,
А сердце даст об этом знать.
Среди дорог одну укажет,
Чтоб руку помощи подать.

Любил

Раз я любил, любовь вернётся,
Зайдёт ко мне ещё не раз.
Проснувшись, сразу улыбнётся,
Не открывая сонных глаз.

Теплом сомнения развеет,
Обнимет, нос уткнув в плечо.
Мою забавно кожу греет,
По-детски дунув горячо.

Воздушный шарик так умеет
Сдуваться, если развязать.
Она, похоже, не взрослеет
Или не хочет, так сказать.

Прекрасно утро начиналось,
Улыбкой был наполнен день.
Как в зеркалах, всё отражалось,
И рядом шла любимой тень.

Умчались дни

Умчались вдаль юности светлые дни,
И все они ровно мольберт штриховали.
Сюжеты в картинах всплывали одни,
Искусно ложились, потом исчезали.

Картину рисую уже много лет,
И краски в ней ярче картин у Ван Гога.
Храню свой загадочный, тайный секрет,
Что дан мне с рождения только от Бога.

А время стирает упрямо следы,
Подобно ветрам, что шуршат по аллеям,
И тихо под утро над гладью воды
Туманом рассеются, снов не жалея.

Внутри

Внутри тревога, силы на пределе,
Боль в голове пульсирует в висках.
Откуда дел так много на неделе,
Что невозможно передать в словах?

А их всё больше прибавляет время.
В натяге нервы, как морской канат.
И с каждым разом новая проблема
Создаст из старых точный дубликат.

Пройдёт, терпение ведёт к победе,
Развеется, как едкий белый дым.
Приятно будет иногда в беседе
Понять, что нужен многим и любим.

Пёс

Жил по кличке пёс Бывалый,
Знали многие его.
С ним хозяин, правда, старый,
Дом был ветхий у него.

И старик тот очень добрый,
Пожалеть бы самого.
Одинокий, в меру скромный,
Будку сделал для него.

Пёс всегда был где-то рядом,
Забегал сам в дом легко.
Наблюдал за добрым взглядом,
Спал у ног недалеко.

Иногда бродили вместе
В лес по ягоды, грибы.
Возле дома, метров двести,
Напрямую от избы.

Так и жили два бродяги,
Каждый в чём-то одинок.
И любые передраги
Не пускали на порог.

За деревней вырос город,
Стройки, множество дорог.
Вот однажды в жуткий холод
К ним заходит на порог

Джентльмен один в костюме,
С пухлой папкой на руках.
Предложил там в новом доме
Им квартиру на прудах.

«Скоро здесь начнётся стройка,
Дом снесут трухлявый ваш.
Вам уютней будет только,
Первый выделим этаж».

Дед, подумавши немного,
Подписал тот документ.
И, вздохнув, сел у порога —
Слишком веский аргумент.

Вскоре ордер дали новый,
Переехал, взял и пса.
В дом красивый и готовый,
Пешим ходом полчаса.

Всё красиво и достойно,
Есть горячая вода.
И с соседями спокойно
Подружился, как всегда.

Выходил гулять нечасто,
Редко был он во дворе.
И барбос его ушастый
Поселился, как в норе.

Ел дед скромно, понемногу,
Хоть и рядом магазин.
Часто сумку нёс к порогу
С хлебом пёс ему один.

Заболел старик однажды,
Доктор стал ходить к нему.
На неделе даже дважды
Приезжал лишь к одному.

День прошёл, второй, неделя,
Вдруг услышали вой пса.
Умер дед в конце апреля,
До рожденья в полчаса.

Вот и бродит одинокий
Пёс по улицам теперь.
По помойкам, как убогий,
Добрый, грустный, милый зверь.

Но однажды где-то в парке
Подбежал один барбос.
Он узнал в чужой овчарке

Запах друга, чёрный нос.

Подошла ещё девчонка,
Посмотрела на него:
«Ты откуда, собачонка,
Кто оставил одного?»

Непричёсанный и грязный,
Видно, что бродил давно.
Добрый с виду, неопасный,
Знать, людей любил он, но

Всё ж решилась, потрепала,
Долго гладила его.
И из сумочки достала
Часть печенья для него.

Посмотрел пёс, дал ей лапу,
Заглянул с тоской в глаза.
По-собачьи, видно, плакал,
Покатилась вдруг слеза.

Позвала тогда с собою,
Встал он, завилял хвостом.
Пусть с лохматой головою,
Но ей стал желанным псом.

Ничего, его отмоют,
Разорвут порочный круг.

Дверь ему свою откроют
В дом, где нужен верный друг.

Если есть одна собака,
Пусть вторая поживёт.
Две – принцесса и служака —
Каждый угол свой найдёт.

Вот история такая,
Снова стал счастливым пёс.
Жизнь уже его другая,
Вам скажу, друзья, всерьёз.

О чём грустят глаза

Скажи, о чём грустят глаза?
И взгляд потух, похоже, тоже?
Вдруг капнет на руку слеза,
Оставив пятнышко на коже.

Размажешь каплю по руке
И носом шмыгнешь, как ребёнок.
Всё дело – лишь в одном звонке,
И рядом нет твоих девчонок,

Кто б поддержал сейчас тебя,
Открыл вино, поняв ошибку,
Поверить дал тебе в себя,
Оставив на лице улыбку.

Ведь всё на свете и всегда
Пройдёт, мир не стоит на месте.
И твои юные года
Меняются с друзьями вместе.

Я рядом

Я рядом всегда с теми, кто меня знает,
С друзьями по юности, кем был забыт.
Сквозь годы с теплом также их вспоминаю,
Порой от звонка вздрогну: вдруг он звонит?

С рождения счастья мы в жизни желаем.
Приняв и осмыслив с годами судьбу,
Всё так же из детства друзей вспоминаем
И первые трудности, с ними борбу.

Назад уже прошлое нам не вернётся,
Исправить всё можно, не только сейчас.
Пока твоё сердце отчаянно бьётся
И яркий огонь в нём ещё не погас.

А детские мысли давно уже в прошлом,
Полсотни минуло отмеренных лет.
Но я не жалею и знаю, что можно
Прожить ещё столько без горя и бед.

Хотелось стать взрослым, быстрее, досрочно,
Но как же всё сделать, держа в голове?
Все стены пробить, не вредя себе точно,
И слабости многие скрыть в баловстве.

А как бы хотелось из юности что-то
Частицами взять, но какая цена?
Ведь не захотят изменить много кто-то,
У них своя жизнь, и игра не нужна.

Давно по местам все расставлены точки,
Судьба разложила свой верный уклад.
И дети большие, внучат нянчат дочки,
И каждый, живя, был по-своему рад.

Я сяду спокойно, друзей своих вспомню
И в школу схожу, только с внуком уже.
Я счастлив, что жив ещё, многое помню
И есть что нести мне в своём багаже.

Берёзы

Наполнена зеленью ярко листва,
Трава изумрудно-зелёного цвета.
Немного кружится моя голова
От чистого неба и тёплого света.

Мне утро улыбку несёт на руках,
В тот мир, где растают тревожные грёзы.
С песчинкой коры чуть на влажных губах
Весной, где полны вкусным соком берёзы.

Сочится он, струйкой стекает к земле,
Как будто прозрачные капают слёзы.
Обнимешь её, поцелуй на стволе
Теплее оставишь, чем грели морозы.

Рукой проведёшь по шершавой коре,
Останется влажной от сока ладошка.
Как током пронзит – ощутишь на себе
Энергию всю от берёзы немножко.

Пройдёт по всей кромке открытой души,
Сначала в руке, продвигаясь по коже.
«Замри, – говорю себе, – чуть поддержи,
В ней сила целебная льётся, похоже».

Раскроются почки потом на ветвях.

Так всё ж почему плачут наши берёзы?

В родных моих с детства, душевных краях

С загадкой весны льют прозрачные слёзы.

Я с грустью смотрю...

Я с грустью смотрю, как прощается лето,
Прощается лето со мной на весь год.
Уже холодает, и песенка спета,
Та песенка спета про мой эпизод.

Дни быстро летят, цвет меняют все листья,
Все листья срываются с крепких ветвей.
И хитрая осень повадкою лисьей,
Повадкою лисьей заходит смелей.

Уже плохо сохнут зеркальные лужи,
Зеркальные лужи под ветром дрожат.
Сидишь, наблюдаешь за ветром снаружи,
За ветром снаружи, как листья кружат.

Я свежесрезанный цветок

Я свежесрезанный цветок,
В руках твоих – оттенки цвета.
Как нежный вздох, мой лепесток
Один, без сложного букета.

Среди всей зелени, в тени,
Я частью был простого мира,
Где солнце, дождь – мои сродни,
Роса – как звёздные сапфиры.

Теперь я в вазе, на окне,
Где лампа – лунная подруга.
Оставшись лишь наедине,
Твоей частичкой стал досуга.

Я вижу – улыбнулась мне,
Блестят глаза, и настроенье.
Любви я символ в тишине,
Мгновенья часть и наслажденья.

Мельком ты время улови,
Увяну скоро сном печальным.
Живу я только для любви,
Моментом, эх, сентиментальным.

Город

Город, в котором мне хочется жить,
Рядом с пекарней, где булочка с маком
Запахом выпечки манит сходить,
Каждое утро являясь мне знаком.

Сделаю дома прекрасный ремонт,
Руки пускай мне извёстка измажет.
Но размещу в коридоре свой зонт,
Осень дождливая это подскажет.

Чтобы избавить себя от тревог,
Буду, возможно, днём занят делами.
И подведу свой логичный итог
Вечером с книгой как раз на диване.

Рядом устроится ласковый пёс,
Верная мне, с добрым сердцем собака.
В лапы уткнув свой коричневый нос,
Слушать стихи будет все Пастернака.

Послушай, как играет осень

Послушай, как играет осень,
Дождём вся льётся за окном.
Сентябрь, начало, реже просинь
Погонит тучи ветерком.
Листвой шурша и не волнуясь,
Уйдёт, проделками любуясь,

И позовёт свою подругу,
Ещё не раз зайдя ко мне.
Пройдёт разок ещё по кругу,
Уйдёт с отчётами к зиме.
Махнёт на всё усталый дворник,
Домой пойдёт, достанет сборник

В каморке, сидя на диване,
Стихи на языке пушту.
Заварит чай в простом стакане,
Оставит верную метлу.
Прочтёт про жизнь, дела отложит,
С котом свой разговор продолжит

О холоде не за горами,
Про дом, тепло, где раньше жил.
Сам удивится, что с котами
Давно не говорил, всё занят был.

И вдруг его услышит осень,
Весне шепнёт, о лете спросит.

И скажет: «Друг, поспи немного,
Чего грустишь ты, как всегда?
Ты ждал напутствия в дорогу?»
Зима мелькнёт в глазах кота.
Судьба всё по местам расставит,
Даст шанс или сама исправит.

И это тянет

И это тянет нас друг к другу
Осенним шлейфом от духов.
Сезоны крутятся по кругу,
Создав поэзию из слов.

И спать не хочется ночами,
Когда идёт твой ровно стих.
Рассвет уж встретишь со свечами,
Поймёшь, что дождь уже затих.

И в одиночестве домашнем,
Где под защитой этих стен
Напишет каждый о вчерашнем,
Себя загнав в привычный плен,

О чувствах, о любви к природе,
Не дав своей душе покой,
Увидев солнце в небосводе,
Глаза сомкнёшь в свой выходной.

Задумчив вечер

Задумчив вечер у костра,
И небо звёздами искрится,
Так хочется в нём раствориться,
Продлить блаженство до утра.

Трещат дрова слегка в огне,
И вертикально дым струится,
Волшебно искрами резвится
Свет, растворяясь в тишине.

Он отражается в глазах,
Тенями разными играет,
А искры речка собирает,
Запутав мысли все в мечтах.

Задумчив вечер у костра,
Любовь вокруг уже кружится,
Желают души в этом слиться
И наслаждаться до утра.

Знакомые люди

Знакомые люди, уютный пейзаж,
И музыкой скрыты соседские речи.
Всему соответствие, и антураж
Мелькает привычно от встречи до встречи.

Тут в воздухе кружится лёгкий мотив,
За стойкой у бара – весёлые лица,
Немного вина, и, себя вдохновив,
Послушаю, что исполняет певица.

Красиво звучит голосок в микрофон,
Приятные песни всё снова и снова.
И хочется спеть с ней, уже в унисон,
Жаль только, ни я, ни она не готовы.

Улыбка моя промелькнёт на лице,
Я к ней подойду, пожелаю успеха
И снова уйду, постою на крыльце,
Поняв, как же в Питер удачно приехал.

Уметь молчать

Уметь молчать – иметь сродни талант,
Держать язык надёжно за зубами.
И даже с чуть дрожащими губами
Закрыть глаза – отличный вариант.

Но как же хочется пойти сказать
О том, что наболело, накипело,
Что взволновало, ранило, задело,
Да смачно так, весь лексикон собрать.

Или себя сдержать, встать и уйти,
Собрать спокойно в воздухе флюиды,
Остыть чуть-чуть, с невозмутимым видом
Сходить проветриться, потом прийти.

Молчать уметь – не каждому дано,
По пустякам срываясь лишь напрасно.
В душе с обидами прекрасно
Продолжим, как актёры, жить в кино.

Мне снится мир

Мне снится мир, уставший без причины.
Мелькнёт в ночи сиянием луны,
Без электричества, а в свете от лучины
И под покровом гулкой тишины.

Тревожно сумерки туманом манят,
И в изголовье виден только крест.
Стучит в висках, возможно, даже ранит,
В тиши – тревога, а в душе – протест.

И с торжеством, огнём в своих светилах,
Когда мой страх играет с сердцем вновь,
Он сможет сделать всё, что в его силах,
Да так, чтоб в жилах стыла моя кровь.

Рай и Ад

В таинственном месте, где мир и уют,
Волшебные песни все птицы поют,
Где солнышко греет в небесном Раю,
Живёт тихо счастье в далёком краю.

Там ангелы рядом, как ветер весной,
Играя, танцуют, влекут за собой.
Прозрачные реки с кристальной водой —
Тепло для сердец и душевный покой.

А в страшном Аду, где крошечная тьма,
Все крики и стоны закроет тюрьма.
Огонь полыхает, неистовый жар,
Сжигает все души зловещий пожар.

И в холоде вечном, во мраке судьбы,
В страданиях, муках от вечной мольбы,
Без радости тени, и жажда одна,
Покоя не видят, ни света, ни сна.

В Раю всем светло, теням место в Аду.
Два мира, дороги две – всё на виду.
Что выберешь ты – Божий свет или страх?
Свети, как звезда, или гасни, как прах.

О, как же мне хочется

О, как же мне хочется нежно обнять,
Руками прикрыть обнажённые плечи.
За ужином свет в ночниках поменять,
Зажечь вместо лампочек образно свечи.

В мерцающем свете с улыбкой смотреть,
Как он пробежит по забавным ресницам.
В мгновение это желая успеть,
Твой образ собрать по мельчайшим крупичкам.

Букет с подоконника бережно взять,
К нему подобрать подходящую вазу.
Подняться и в музыке всё поменять,
Спросив у тебя: «Как относишься к джазу?»

Кружиться, волнуясь, куда-то спешить,
Накрыть восхитительно сделанный ужин
И телом своим в танце всё ощутить —
Ту радость в касаниях, жажду, что нужен.

Шептать неразборчиво «Хочешь остаться?»,
Взволнованно так и глотая слова.
Как юный мальчишка, немного стесняться,
В моменте поняв, как туга тетива.

Просить тебя вновь: не спешить расставаться,
Расслабиться чуточку, выпить вина.
«Реши для себя – здесь сегодня остаться,
Себе постелю на софе у окна».

Смеюсь, но ведь ты, посидев, согласишься,
Попросишь меня дать вечерний халат
И в ванную тихо мою удалишься,
Пороешься там, свой найдёшь аромат.

А я в это время помою посуду,
Сложу в холодильник продукты на ночь.
И точно с утра вновь уверенный буду,
Что всё повторю нам на завтрак точь-в-точь.

Меня не брани, будь со мной откровенной,
Но только не ройся под хмелем в словах.
Я всё сохраню для себя непременно,
И ты сохрани всё в укромных местах.

Марина Дзамашвили

Москва

Любит читать, творить и ещё раз творить! Марина – гибрид. С детства её воспитывали в грузинско-русских традициях, и она впитала в себя историю, культуру двух народов. Родители (филологи) рано научили Марину писать и читать. И она вошла во вкус, читала везде, где только можно было: за едой и без еды, на переменах в школе и даже на школьных уроках, на тутовом дереве и на крыше сарая, под одеялом с фонариком и на полу в библиотеке под стеллажами. Писать маленькие рассказы начала тайком от всех, ещё в начальной школе. Сочинения в старших классах писала с большим удовольствием. Удивила родителей, когда через много лет показала им главы из своего первого романа. Они прочитали, переглянулись и дружно спросили: «Почему молчала и раньше не писала?» Марина ответила: «Я не писатель! Я только учусь!»

Варя

*Светлая память
Васечкиной Варваре Николаевне,
простой русской женщине*

Женщина преклонных лет сидела на скамейке возле собственного дома и грелась на солнышке. Морщинистые, натруженные руки придерживали накиннутую на плечи жакетку. Вокруг цвели вишни, и пахло весной. Рядом сидела молодая женщина и внимательно слушала, что ей говорила тётя Варя.

«Сейчас самая пора сажать и сеять, земля после зимы истосковалась по заботе и человеческим рукам, – тихим голосом говорила пожилая женщина. – Я всю жизнь с землёй, с ней, родимой, провозилась. Утром ранним запрягу лошадь в телегу да и поеду на работу в соседнюю деревню. Кому грядки прополю, кому картошку помогу посадить, кому по дому помогу, кому траву скошу. Смотришь – уже и вечер подступает.

Мне ехать до дому далеко, но по одной дороге, через кладбище заброшенное. С одной стороны дороги – кресты невысокие с маленькими табличками, а с другой кресты высятся. Утром ещё ничего, не особо страшно, а вот вечером да ночью

жуть берёт. Накроюсь в телеге тулупом с головой и молитву всем святым читаю, а лошадь сама меня домой привозит. Надоело мне так ездить да со страху помирать каждый день.

Решила я днём на кладбище сходить и посмотреть, кто там покоится. Остановила телегу у кладбища, привязала лошадь да и пошла медленно между могил. Смотрю, а кладбище большое. Подошла к ближайшей могиле, гляжу, а там ребёнок маленький похоронен. Могилка вся заросла, травы по пояс. Сердце у меня и сжалось от боли. Нагнулась я да как начала траву рвать что было сил. Мне казалось, что бурьян этот усопшему ребёнку дышать не даёт, душит и словно камнем давит.

Почистила я могилку, крест поправила, цветочки положила. И так мне на душе легко стало, не передать словами. Посмотрела на соседнюю могилу: там солдатик молодой, погибший на войне, покоится. Нагнулась и его могилку прибрала. Так потихоньку стала я по две могилы в день от бурьяна очищать. Потом краску купила – оградки, где были, покрасила. Теперь я почти всех поимённо знала, со всеми покойными здоровалась. Казались они мне одной большой родной семьёй.

Но всё равно, проезжая ночью мимо кладбища, укрывала голову и молитву читала до самого дома. Страшно было. Никому я об этом не рассказывала. Люди разные бывают, может, кто не так поймёт да за сумасшедшую примет. Убрала одну сторону кладбища, а потом перешла на другую. А там

могилы вообще в холмики превратились, почти сравнялись с землёй, да и крестов меньше было, одни таблички. Потёрла я одну табличку, гляжу – не по-нашему написано. Потом догадалась: тут немецких солдат хоронили. Опустились у меня руки, в голове зашумело. Я же пережила с мамой оккупацию и голод, хоть и маленькая была, а всё помню.

Сердце колотилось со страшной силой. Не буду убирать, не заслужили. Повернулась и пошла прочь оттуда. Села в телегу и дальше поехала. Еду, а сама маюсь. Ведь они тоже молодыми погибли. У них тоже матери были, и маленькими они тоже были, их тоже девушки любили. Кто же за их могилами посмотрит? Наверно, и родные их тоже ищут, или считают без вести пропавшими. Не выдержала, повернула я телегу опять к кладбищу.

Так и повелось: подъеду, спешусь да за работу принимаюсь. Скоро две стороны кладбища стали ухоженными. Зато на селе люди шептаться стали да искоса на меня поглядывать, рассказывая, что кто-то заброшенные фрицевские могилы убирает. Не выдержала я сплетен за спиной, пошла в клуб. Перед показом кино вышла на сцену, откашлялась и сказала: “Товарищи! Хочу сказать честно: это я убираюсь на старом кладбище. И не надо меня судить. Я плохого ничего не делаю. Нужно помнить свою историю, своих родных и врагов прощать”.

Тут поднялся шум и гам. Одни меня хвалили, другие говорили, что я против советской власти иду. Махнула я на них

рукой да и пошла вон из клуба. Иду, а слёзы из глаз катятся. Почему люди так жестоки, почему мирно жить не можем, всё врагов ищем?! Утром я, как всегда, запрягла лошадь в телегу и поехала на работу. Только смотрю: у околицы женщины стоят и вроде меня высматривают. Остановилась я возле них и поздоровалась.

Женщины сначала тихо, потом громче да в разнобой начали говорить: “Варя, не держи зла. Всё правильно делаешь. Какая разница, кто похоронен – русский иль немец? Все перед Господом равны. Детям пример нужно подавать. Чтобы и нас, когда на том свете будем, помнили и наши могилы в порядке держали. Мы с тобой тоже поедем”.

Женщины забрались в телегу, и мы поехали на кладбище. С тех пор наша деревня ухаживает за этими могилами, а я свой страх перед кладбищем потеряла».

Девяностые, или Здесь нет войны

Итак, маршрут в прошлое, причём недавнее, практически свежие следы по жизненной лестнице.

Когда начинаешь вспоминать, на душе становится дурно и муторно... А иногда сил не хватает, их просто нет в наличии. Кажется, вот и всё – финиш! Сердце просто разрывается от обиды, горечи, от боли. Вот тогда и собираешь в кулак все нервы, сопли, боль и сквозь слёзы говоришь себе: «Жизнь ведь на этом не кончается. Всё пройдёт... Не может быть всё время плохо...» При этом смотришь на своих детей маленьких и отчётливо понимаешь, что сегодня тебе нечем их накормить в прямом смысле слова.

Когда нет денег вообще, а тем более на лекарства, и не на кого надеяться... Никто не поможет, так как у всех родных и близких такое же положение...

Когда света нет, отопления нет, газа тоже нет.

Когда встаёшь в очередь за хлебом в десять часов вечера, дабы к утру в тяжёлой борьбе получить буханку хлеба из муки предпоследнего сорта.

Когда на улице теплее, чем дома. Когда греешь кирпич на керосинке, заворачиваешь его в пелёнку и кладёшь к ребёнку в кровать.

Когда пробуешь почитать книжку при свечке.

Когда продаёшь вещи из дома для того, чтобы купить кру-

пы и сухого молока.

Когда, продав золотое кольцо, покупаешь пять банок китайской тушёнки и от этой покупки ощущаешь себя на седьмом небе от счастья.

Когда в воду добавляешь одну ложку тушёнки только для запаха и варишь суп! Из второй ложки тушёнки получается замечательный плов! Когда из гречневой каши делаешь котлеты, похожие на настоящие мясные!

Когда сама не ешь, чтобы детям лишняя тарелка супа досталась. Когда скорая помощь не может приехать к больному ребёнку, так как у неё нет бензина и нет лекарств.

Когда ночью город погружается в темноту и слышны выстрелы.

Когда сочиняешь на ходу весёлые сказки для детей, чтобы их отвлечь.

Когда молишься всем богам и просишь здоровья для своих близких и детей. И веришь, что чудо случится, что завтра всё это закончится, всё встанет на свои места. А потом, устав бороться в одиночку с проблемами, просто воешь от беспомощности, но так, чтобы никто не услышал, потому что не имеешь права быть слабой.

Когда некому тебя успокоить да просто погладить по голове, прижать к плечу и тихо сказать: «Всё пройдёт, не бойся, я с тобой!»

Когда ценности материальные не имеют значения, а в цене только лишь честность, порядочность, чадолюбие, доброта и

благородство. Вот тогда познаются родные, близкие, соседи и друзья, тогда всё становится прозрачным и хрупким.

И в один прекрасный солнечный день бросаешь всё, продаёшь остатки золотых украшений и прочей ценной утвари для других, но уже не имеющих цены для тебя, хватаешь детей в охапку и сломя голову уезжаешь с двумя сумками. В одной сумке – немного одежды на первое время, в другой – одна кастрюля, четыре комплекта постельного белья, четыре тарелки. Уезжаешь в никуда, готовая на любую работу. Главное – чтобы дети не были голодными да чтобы хватило заплатить за комнатуху при складе. Господи, радуешься этой комнате с тремя кроватями и одним столом – лучшей обстановки в мире нет! Пробираешь создать уют. Жизнь прекрасна! А главное – есть свет, тепло, и за окном не стреляют!

Четырёхлетний сын по вечерам спрашивал:

– Мама, а почему здесь не стреляют?

Я отвечала:

– Здесь нет войны...

Я никогда не забуду, как моя дочь и сын смотрели на «киндер-сюрприз», который я не могла им купить. Они переводили свой взгляд с этого шоколадного яйца на моё лицо в молчаливой просьбе, но отворачивались с деланным равнодушием от этого искушения, понимая, что я не смогу им его купить. Ведь деньги рассчитаны по дням! В тот день я дала себе слово, что буду баловать своих детей при любой возможности и устраивать им праздники. Пусть это будет вся-

кая мелочь: жвачка, карандаш, книга, заколка. Дети не виноваты, что в их жизнь пришла война, игра в независимость, миграция, беженство и перестройка. И детям пришлось наравне с родителями приспособливаться и выживать на этом жизненно-лестничном маршруте.

С другой стороны, эти маршруты ведь – значительная часть нашей жизни, это испытания, данные нам свыше. Просто высшие силы проверяют нас на прочность, независимо от возраста и жизненного опыта, закаляют, как сталь, как клинок – из холодной воды да на горячую наковальню. Заставляют возрождаться из пепла, познавать жизнь в сравнении и при этом улыбаться, всегда улыбаться.

Только тот человек может снова возрождаться, закаляться и при этом улыбаться, который верит, что лучшее всё ещё впереди. Главное – не озлобиться, не кукситься и не ныть. Жизнь только начинается! Жизнь всё равно прекрасна!

После этого прошло уже много лет. Мы продолжаем жить, двигаться жизненно-лестничными маршрутами, верить в чудеса, закаляться и улыбаться.

1996 г.

P. S.

Мне очень жаль, что закон лестницы работает и сейчас.

Я верю, что всё плохое уйдёт, испарится, исчезнет.

Я верю в то, что добро и свет победят тёмные силы.

Будет счастье всем – и взрослым, и детям!

Царское варенье

Лето было злым: жару нагнетало, жарой окутывало, а дождями не делилось.

Нежная малина засохла, не выдержав яростного натиска солнца, зато светолюбивый и засухоустойчивый крыжовник баловал ягодами, крупными и плотными. Он рос в конце дачного участка. В его кустах то и дело мелькали белая панамка, жёлтый сарафан и загорелые руки.

На крыльце дома показалась молодая, стройная женщина. Поправив непослушную прядь волос, она пыталась разглядеть в зарослях крыжовника свою дочь.

– Наташа, обедать пора! Иди в дом! – крикнула мать.

Из кустов показалась двенадцатилетняя девочка с пушистыми светлыми волосами и редкими веснушками на носу.

– Сейчас, мам! Ещё один, последний стакан наберу и приду, – отозвалась она и опять исчезла в кустах крыжовника.

Женщина вошла в дом, где витал особый аромат сваренных в сиропе вишнёвых листьев.

В углу комнаты на стуле стоял медный таз с крыжовником. На накрытый белой скатертью стол женщина поставила солонку с крупной солью, тарелку с нарезанным хлебом, салатник, наполненный лёгким салатом, высокие, запотевшие стаканы с холодным компотом. Затем она взяла белую супницу с тонкой золотой каёмкой и неразборчивой монограм-

мой и осторожно налила в неё окрошку. Бережно поставив супницу на стол и разложив приборы, женщина взглянула на часы. Они показывали полдень.

Тут ажурная занавеска взлетела, пропустив в дом босоногую загорелую девочку. Наташа крепко держала в перепачканных поцарапанных руках большой стакан с ягодами.

– Вот! Последний, одиннадцатый принесла! – с гордостью сказала Наташа, протягивая стакан маме.

– Умница! Руки мыть, и сразу за стол. Окрошка сегодня удалась.

– Ой, как вкусно пахнет! Ты сварила варенье без меня? Мам, ты же обещала мне сегодня рассказать про секретное варенье и научить его варить!

Мама взъерошила волосы на голове дочери, поцеловала в нос и с улыбкой сказала:

– Нет, не сварила. Куда ж я без тебя, помощницы, денусь!

Наташа вымыла руки, налила окрошку в тарелки себе и маме и, чинно сев за стол, сказала:

– Рассказывай! Ведь мы будем варить варенье из крыжовника? Ты всегда варила его одна и раздавала всем нашим друзьям и соседям.

– Ты кушай, а я буду рассказывать, – с улыбкой сказала мама. – Когда мне было двенадцать лет, моя мама, твоя бабушка Валя, послала меня собирать одиннадцать стаканов крыжовника. Мне это занятие не очень нравилось, ведь крыжовник кололся, царапался, в руки легко не давался. Да и по-

дружки меня звали гулять. Я торопилась и при этом не очень жалела ягоды, рвала их абы как. Бабушка твоя посмотрела на эти мои ухищрения и сказала: «Плохая из тебя царевна получается!»

Наташа перестала есть окрошку. Она посмотрела на стул, где стоял большой таз, наполненный немного помятым крыжовником, потом медленно перевела взгляд на маму.

А мама продолжала рассказ:

– Бабушка Валя мне объяснила, что только настоящие царевны могут варить волшебное варенье из крыжовника. Ведь царевна должна быть не только красивой и умной, не только заботливой и доброй, она ещё должна быть терпеливой и аккуратной. Ведь от того, какие она ягоды сорвала и насколько бережно, зависит вкус царского варенья. Рецепт этого варенья передаётся в нашем роду только по женской линии. Чтобы его сварить, нужно проявить огромное терпение, ведь работа предстоит немалая. Одиннадцать стаканов ягод с верхом нужно помыть, высыпать на полотенце, немного обсушить. Затем срезать носики у ягод, сделать ножом небольшой разрез и кофейной ложечкой удалить косточки. Потом залить эти ягоды сиропом из вишнёвых листьев, дать им пропитаться и только потом варить на медленном огне. А главный секрет в том, что в каждую баночку вместе с ягодами кладётся сваренный в сиропе вишнёвый листик – для счастья и на здоровье. Это варенье получается пропитанным солнечным светом и добротой. Оно приносит счастье в дом.

Наташа слушала, как заворожённая, забыв об окрошке.

Женщина замолчала, погрузившись в воспоминания, а девочка вдруг сказала, хитро прищурив глаза:

– Мам, ведь это просто бабушкина хитрость! Она просто так говорила про царевну, чтобы заинтересовать тебя и заставить работать. Думаю, из немного помятых ягод тоже можно сделать варенье. Ну будет оно не таким светлым, но ведь всё равно вкусное! А ты поддалась... Да сейчас всяких джемов да повидла в магазинах – пруд пруди! Время только на него тратить... Нерационально варить варенье! Да и какие мы царевны?.. Скажешь тоже! – убеждала Наташа, взмахивая руками.

Женщина от её слов очнулась. Медленно и величественно она вдруг стала подниматься со стула, её голубые глаза потемнели и превратились в озёра. Она посмотрела внимательно на девочку и произнесла:

– Не думала я, что ты до такой степени нетерпелива. Выполнять порученную работу тят-ляп – черта ленивых людей. Ты уже почти взрослая, должна вести себя соответственно.

– Ну что вы все пристали! Должна, должна, должна! Никому я ничего не должна. У меня ка-ни-ку-лы! Понимаешь?.. Сама сказала, что тоже мятые ягоды принесла бабушке. Ещё ленивой обзываешь! А я уже дом прибрала, за молоком сходила, этот твой мохнатый крыжовник собрала. На улице лето, все друзья на озере купаются, одна я дома сижу. Не хочу и не буду варить варенье. И даже зимой его есть не стану! Цар-

ское варенье... фу, как примитивно. Ты, мам, вроде молодая ещё, а разговоры у тебя – как у столетней старушки. Сказки мне рассказываешь про царевну и прочую ерунду. Обойдусь без сказок, без доброты и без варенья!

– В первую очередь надо быть добрым к своим близким и родным. Ведь слово «родные» произошло от слова «родина». Это всё то, что тебя окружает с детства. Город и дом, где ты выросла, – они твои, родные! Это люди, которые о тебе заботятся, думают, которые рядом с тобой и в горе и в радости, – они тоже твои, родные. И даже тот же крыжовник, он твой, родной. Его посадила моя мама, твоя бабушка, в год, когда ты родилась. Он твой ровесник. Он рос вместе с тобой и дарил нам свои ягоды – значит, он тоже твой, родной!

И молодая женщина попробовала обнять девочку. Наташа молчала и хмурилась, но из материнских объятий не вырывалась, наоборот – прижалась всем телом и замерла. Мама укачивала её, словно баюкая, и продолжала говорить:

– Эх ты, чудо моё, царевна моя молодая и зелёная! Добро – это кусочек света человеческой души. Ты умеешь дарить окружающим свет души своей, хотя об этом и не подозреваешь! Каждый человек рождается с этим даром. «Твори добро и бросай его в воду», – так гласит восточная мудрость. Если каждый человек будет совершать добрые дела, тогда и весь мир станет намного светлее и приветливее к нам, людям.

Наташа ощущала материнские руки на своих плечах и слышала стук двух сердец, которые бились в унисон. Она по-

нимала, что такие минуты единения и счастья никогда не забываются. «Мама – самая родная!» – думала девочка, ещё крепче обнимая её.

Вдруг Наташин взгляд остановился на супнице с витиеватой монограммой. Луч солнца, проникший через окно в комнату, освещал вензель в виде буквы N, над которой сияла корона. Девочка медленно перевела вопросительный взгляд с супницы на маму.

Женщина улыбнулась, поправила волосы и подмигнула, словно подтверждая догадку Наташи. Девочка зажмурилась и ещё крепче обняла маму.

Так они и стояли: две девочки, две царевны – одна большая, а другая маленькая.

Привал, или Просто про любовь

Человек огромного роста лежал в тени дерева, а тёплый ветерок шевелил его светлые волосы. Человек спал. Чуть в сторонке стояли выдавшие виды армейские ботинки.

«Пусть поспит человек, однако! Да и у меня подошва горит!» – устало подумал Левый ботинок.

– Замечательный нынче день, ты не находишь? – спросил у него Правый ботинок.

– День как день! Ничего хорошего. Подошва горит, шнурок на ладан дышит! – ответил Левый.

– Дружище, ты не прав! Смотри, какое синее небо, а солнце ярко светит. Трава бархатная! – восторженно заявил Правый.

– Тебе бы, браток, лаковой туфлём родиться! – хмыкнул Левый ботинок. – Всё никак не угомонишься, всё в облаках витаешь. Ботинок ты иль не ботинок? Жёстче надо быть, раз армейским уродился.

– Не учите меня жить! В армии тоже есть интеллигентные ботинки, например, у высшего состава! Они такие мягкие, такие чистенькие, такие аристократичные...

– Кто? Высший состав или ботинки? – хмыкнул Левый ботинок.

– Я про ботинки... И не перебивайте меня, это же моветон!

– Фу-ты ну-ты... ботинки гнуты... может, ещё и чулочки фильдеперсовые уважаете?

– Смейся, паяц! – устало вздохнул Правый ботинок и продолжил: – Ну почему я должен всё время быть с тобой рядом, так сказать, в одной связке? Когда же я избавлюсь от тебя и вздохну свободно? Ведь мы такие разные с тобой!словно из разных миров. Когда наконец ты перестанешь болеть левизной и избавишься от банального невежества, а?

– Ладно, не ворчи. Я так тебе скажу. Помнишь, как в песне поётся: «Нам не жить друг без друга-аа-а!» Поэтому тему закрыли. Сам сказал, что мы в одной связке. А это, старик, дорогого стоит. Ведь если меня не будет, то ты не будешь особо нужен, от тебя избавятся, как от ненужной вещи. Мы дополняем друг друга, Правый!

– И всё же... почему мы такие разные? Ну пусть кожа у нас немного разная... у меня помягче, у тебя пожёстче. Но мы же ботинки! Мы же с одной фабрики, так сказать, одной крови! – задумчиво произнёс Правый ботинок.

– Потому что разные мастера нас шили, а третий мастер шнурки вдевал и вместе нас связал. Так вот я у тебя спрашиваю: «К шнуркам претензии есть?!» Видишь, как нас крепко связали, – пытаюсь сдержать смех, сказал Левый ботинок.

– А если серьёзно?!

– А если серьёзно, мил ботинок... просто ноги у нашего хозяина разные. Левая нога у него травмирована, он ходит тяжело, прихрамывая, вот мне и достаётся больше твоего.

Ведь у меня даже каблук скошен больше твоего. Так что будем жить и радовать хозяина. Ну что, мир, дружба, чёрный крем?

– Боженька, дай мне терпения выдержать этот мир и эту дружбу, – взмолился Правый ботинок, блеснув металлическими заклёпками.

Левый ботинок добродушно хмыкнул, распустил шнурки, раскачался и опрокинулся на левый бок, позволив лучам солнца проскользнуть вовнутрь себя.

– Правый, давай падай на землю и загорай. Хозяин спит, и мы отдыхаем.

– Загорать не хочу. Смотри, какое небо пронзительно синее, а солнце ослепительно яркое.

В этот момент мимо них пролетело существо, очень яркое и нарядное. Это существо можно было принять за золотую пчёлку. Оно летало и крутило фуэте в воздухе с блаженной улыбкой и приговаривало:

– Солнышко, привет! Позолоти мне брюшко! Небо в рюшечках из облаков, привет!

Симпатичное существо жужжало, журчало и напевало:

– Как прекрасен этот мир, посмотри-и... О, ромашка! Привет! Разреши мне у тебя росы напиться! Не бойся, я не сделаю тебе больно!

Вдруг увидев на земле непонятные предметы, существо плавно затормозило, решив рассмотреть их поближе, и с жужжанием зависло в воздухе прямо над ботинками. Бо-

тинки тоже принялись рассматривать гостя. Первым спохватился Правый ботинок, он узнал в существе муху-журчалку. Огромные медовые сверкающие глаза со сложным рисунком в виде коричневых полосок и пятнышек особо выделялись на её теле. А само тело покрывали золотистые пушистые волосы, которые блестели на солнце. Муха была просто обворожительна. Ботинки залюбовались ею.

– Здравствуйте, мадемуазель! – решил первым заговорить Правый ботинок.

– Жжздравствуйте, жжздравствуйте, мсью!

– Красавица! Век бы любовался! – выдохнул Левый ботинок.

– Пожжжвольте спросить, вы тут отдыхаете? – зависнув над ними и перебирая крылышками, спросила муха-журчалка.

– Да, мы отдыхаем, так сказать, от дорог... Привал у нас, – сказал Правый.

– Сохнем мы на солнце, так сказать, загораем, микробы убиваем, – поправил его Левый.

– А кто такие микробы? И зачем их убивать, если они живые?

Левый покосился на Правый ботинок и тихо ему шепнул:

– Тебе не кажется, что она блондинка?

Правый ботинок, не отрывая заворожённого взгляда от мухи, так же тихо произнёс:

– Да, но зато какая она золотая!

– С лица воду не пить! – продолжил Левый.

– Молодая она ещё, успеет узнать про эти микробы! Смотри, какие глазищи! Век бы смотрел, не отрываясь! – так же тихо продолжил Правый.

– О-о-о! Брат, да ты никак влюбился! – хмыкнул Левый.

Правый ничего не успел ответить, так как муха-журчалка развернулась и пронеслась над ними с огромной скоростью, затем, развернувшись и снова зависнув над ними, сказала:

– Друзья мои, хочу предупредить: я всё слышу. И про золотую, и про молодую, и про блондинку! У меня идеальный слух! И не блондинка я! Я рыжжжжая!

Она взмахнула крылышками и решила покувыркаться в воздухе, показать себя во всей красе. Муха-журчалка умела не только стремительно летать, но и выполнять сложнейшие пируэты, зависать на любой высоте и даже летать задом наперёд.

– Ага! Рыжая-бесстыжая! – продолжил Левый.

– Прекрати обижать девушку! Ты её напугаешь, и она улетит! – произнёс с угрозой в голосе Правый.

– Ну и ладно! Нам такие рыжие не нужны! Она не с нашей фабрики и не нашего пошива! – не унимался Левый. – Что она с нами делать будет? Да и староваты мы для неё...

– А ты тут совсем не в теме. Понимаешь, брат, я влюбился. Как мальчишка! Я даже помолодел года на два. Лишь бы она сказала мне: «Да!» Я её буду носить на шнурках, я буду ей посвящать стихи и дарить цветы. Я буду её убаюкивать...

оберегать от хищных птиц, – твердил упрямо Правый ботинок.

– Э-э-э, брат, как тебе солнце заклёпки-то припекло! Ты понимаешь, что чушь несёшь? Она летает, порхает! Хотя порхают бабочки, а она муха! Ну ладно, она красива, почти как бабочка. Понимаешь? Значит, она долго не живёт. А мы ходим, топаем, бегаем, прыгаем по дорогам, лесам, полям; и в слякоть, и в стужу. Куда ей с тобой? Да ещё и со мной. Мы же с тобой как сиамские близнецы, только разделённые. Я ведь тоже в неё могу влюбиться, но чуть позже. Так как её потом делить будем? Да ещё наш хозяин мух не любит, он десантник, хоть и бывший... Хотя бывших десантников не бывает. Он же её убьет, как только она зажужжит у него над ухом. Пожалей рыжую. Пусть себе живёт, ромашки опыляет, – почти умоляюще шептал Левый ботинок, при этом наблюдая за виражами золотисто-рыжей мухи-журчалки. Правый ботинок не отвечал, он молчал. Он любовался нарядной мухой. А она купалась в восхищённых взглядах этих старых пыльных башмаков. В этот момент мимо неё пронеслось что-то коричневое и пушистое, очень похожее на шмеля... Это её очень заинтересовало. Она приземлилась на ромашку, решив отдышаться и подумать.

«Интересно, что это было? Мама мне говорила, что в солнечный день я обязательно встречу своего суженого, узнаю его по биению своего сердечка, а он меня возьмёт в жёны. И будем мы жить долго и счастливо. Может, это уже случилось,

и суженый – это Правый ботинок? Он так красиво рассказывал, как он мне будет посвящать стихи, носить на шнурках... А другой ботинок его отговаривал... Противный такой, плохо воспитанный, но тоже, кажется, в меня влюбился. Только сердечко моё не ёкнуло, и мне ничего не подсказало. Значит, это не моё... Может, мой суженый придёт неожиданно?»

Размышления мухи были прерваны жужжанием, которое вдруг смолкло, но при этом ромашка подозрительно накренилась.

– Ай, что это?! – вскрикнула муха-журчалка, пробуя удерживать равновесие.

– Девушка, не переживайте, я не злодей! – кто-то приятно прожурчал рядом с ней.

Муха внимательно рассматривала большое пушистое коричнево-жёлтое тело с такими же, как у неё, большими сверкающими глазами. Ей очень понравились эти бездонные с жёлтыми вкраплениями глаза.

– Добрый день, «незлодей»! Каким ветром вас сюда занесло? Кто вы? – смеясь спросила муха-журчалка.

– Меня зовут Жжужфрей! Я из рода мух-журчалок! Наш род очень благороден, мы питаемся только пылью цветов и соком растений. Теперь про ветер... Целенаправленным ветром занесло, ведь вы тоже муха-журчалка! У вас невероятные глаза и тельце такое нежное и золотое! – с улыбкой произнёс он.

– Ой! Вы совершенно правы, я Жужка золотая! И у вас

тоже такое красивое имя! – сказала, блеснув глазами, муха.

– Моя мама очень любила залетать в кинотеатр и смотреть фильмы про любовь. Вот и назвала меня в честь одного благородного француза по имени Жжужфрей.

– Мамочка моя тоже любит смотреть фильмы про любовь. А я вот никогда кино и не видела, – с лёгкой грустью сказала Жужка.

– Это поправимо. Я знаю, тут не так далеко есть клуб, там как раз крутят фильмы про любовь. Полетели?

– Мама мне не разрешает улетать с незнакомыми журчалками, – тихо произнесла муха.

– Не волнуйтесь, не обижу! Да и клуб не так далеко, мы успеем вернуться, и ваша мама ничего не узнает, – бархатно прожужжал Жжужфрей.

У мухи-журчалки сердечко и ёкнуло. Ей так захотелось полететь, посмотреть кино и потом поделиться с мамой своими ощущениями! Может, это и есть суженый? Может, так и бывает всё неожиданно и с первого взгляда?

– Не волнуйтесь, доставлю в целости и сохранности. Вдобавок я вас познакомлю с кинематографом.

– С кем познакомите? – удивлённо спросила муха.

– Полетели, Жужка. Не будем терять время! По дороге расскажу про кинематограф.

Жжужфрей подлетел к ней поближе, закружил её в танце и увлёк за собой в синие дали. Мухи-журчалки исчезли из виду. А два ботинка с тоскою посмотрели им вслед.

Вдруг Левый произнёс:

– Пропала наша мадемуазель! Увёл. Охмурил. Хорошо, если вернёт домой в целости и сохранности!

– Ты думаешь о том же, о чём я подумал? – с грустью в голосе спросил его Правый.

– Ну да! Мы оба знаем жизнь.

– Эх, девонька... Конечно, он ведь такой красавец. И летать умеет! Куда мне до него?.. – бормотал Правый ботинок.

– Ты, брат, не переживай... Вот выйдем мы с тобой на пенсию... поставят нас дома на полочку, а там, может, по соседству и женские туфельки появятся. Такие все из себя, изящные, на тонкой шпилечке, из натуральной кожи, лаковые, мягонькие. Кстати, там ещё и босоножки могут рядом проживать. И мы с тобой, как в малиннике, заживём! А эта летунья – не нашего поля ягода. Да и блондинка она! Точно говорю! Полетела непонятно с кем... Даже мозги не включила... Вот и познакомится с кино...

– Левый, ты прав! Не по шнуркам мне эта девочка. Я слишком стар для неё, да и летать не умею. Хочется надеяться, что этот Жжужфрей так же благороден, как и француз из кино. Ладно, шерше ля фам... Что ты там говорил про лаковые лодочки и босоножки? Кстати, а тапочки тоже бывают ничего, – с улыбкой сказал Правый ботинок.

Левый тихонько хихикнул. Затем они не выдержали и оба расхохотались. Неожиданно спящий в тени дерева человек потянулся и сел. Он открыл глаза, осмотрелся и протянул

руку к ботинкам. Ботинки поняли: привал закончен. Значит, им всем пора в дорогу...

Юг, дом, сад и крыша!

Юг. Восток. Восток, как известно, дело тонкое!

Но, скажу честно, юг – это дело тончайшее. Там жил и живёт такой коктейль из разных национальностей, но их всех объединяют южная ночь, южное солнце, южный темперамент, южное гостеприимство, южная вспыльчивость, южное благородство, южная любвеобильность, южная мстительность, южная отходчивость и южная мечтательность...

Я родилась и выросла на юге! У нас был дом: большой, просторный и гостеприимный, который всегда был наполнен голосами детей, гостей и родственников. Кто только не приходил в наш дом! И всем хватало места и тепла, хлеба, музыки и смеха! Ещё у дома были две достопримечательности – свой сад и своя крыша!

Всем гостям было в удовольствие совершать прогулки по саду. Дело в том, что сад был особенный: там росли фруктовые деревья, посаженные в честь рождения меня, моего брата, моей дочери, моего сына! Там росли деревья, посаженные моим дедом и прадедом! Там росли розы разные: простые, чайные, голландские. Они были посажены в безумном порядке, вернее, в совершенном беспорядке! Представляете, в дальнем углу сада рос огромный куст бело-розовых роз, и мы их никогда не срезали: жалко было портить такую красоту. Около ворот росли жёлто-розовые розы, особенно они

были хороши в капельках росы рано-рано утром. Во дворе, под виноградом, росла простая чайная роза. Она была просто нежно-розовой, и куст у неё был невысокий, но какой божественный аромат исходил от неё...

Ещё в саду были уголки забвения. Это значит, что там ничего, кроме высокой травы, не росло! И эти уголки забвения пользовались большой любовью наших гостей. Гости ставили туда лежанку и, укрывшись лёгким покрывалом, лёжа в зарослях травы, читали книги, мечтали, дремали, впитывали запахи, энергетику сада и положительные эмоции. А между двумя абрикосовыми деревьями висел гамак, на котором каталась вся ребятня.

Ближе к внутреннему двору стояла большая-пребольшая кастрюля, вернее, смесь бака и кастрюли. Сейчас в цивилизованном мире эту смесь называют джакузи. Так вот, кастрюля-джакузи заполнялась водой, которая на южном солнышке нагревалась, и тогда там с визгом плескались дети и взрослые.

Вторая достопримечательность нашего дома – это крыша. Туда вела удобная лестница. Половина крыши представляла собой ровную забетонированную поверхность, частично окружённую виноградной беседкой. Днём на крыше невозможно было находиться: настолько она накалялась. Ближе к вечеру кто-либо из нас поливал её водой из шланга, и она остывала. А в сумерках туда поднимались кресла, табуретки... Гости перемещались на крышу. Туда же поднимали

подносы с фруктами, тарелки с сыром, кувшины с вином, графины с холодным компотом. И начинались вечера откровений! Гости рассказывали забавные истории из своей жизни, вспоминали традиции ушедших на тот свет родных, мечтали о будущем, читали стихи, вели споры. Мягкий перебор струн гитары, романсы...

Позже, когда зажигались на тёмном небе звёзды, поднимались на крышу толстые матрацы, подушки и шерстяные одеяла, дабы гости не замёрзли. Гости укладывались спать в покатку¹. Крыша, можно сказать, продувалась ветром всегда, там никогда и никого не кусали комары, и сны снились всем цветные и радужные! Вокруг стрекотание сверчков, тусклый фонарь и чернильное небо, усыпанное яркими звёздами... Звёзды на юге – такие ярчайшие, близкие-близкие, залихватски моргающие, далёкие и мерцающие! И наступал звездопадный час, когда мы ловили взглядом каждую падающую звезду. А каждый из нас загадывал своё желание и старался не проговориться, ведь тогда оно не сбудется.

Народ потихоньку засыпал. Первыми засыпали дети, затем – взрослые, напоследок заботливо подоткнув одеяла под своими чадами. И наступал час сновидений.

А ранним утром с гор дул свежий ветерок, и небо начинало светлеть, розоветь. Первый луч солнца оповещал о начале нового дня нашей жизни. Дом начинал оживать...

¹ Спать в покатушку, в покатку – лежать и спать на земле, на полу, не на кровати.

Хорошо иметь юг в сердце, дом, сад и крышу!

Чанка

Чана – это собачье чудо!

Это была маленькая очаровательная собачка неизвестной, но явно благородной породы, с огромными и умными глазами, забавной мордочкой, аккуратными ушками, стройными ножками, с добрейшим и миролюбивым характером. Собачка ощущала себя маленькой хозяйкой нашего большого дома и равноправным членом нашей семьи. Её чрезмерно развитый материнский инстинкт доставлял мне много хлопот во время моей первой беременности. Возможно, Чана считала, что я слишком молода для материнства и очень неопытна. Она ходила постоянно за мной, как привязанная, смотрела мне в рот, когда я кушала, неодобрительно рычала на меня, если я оставляла еду на тарелке или совсем отказывалась есть.

Чана всегда спала рядом со мной, вытянувшись всем тельцем около моего живота, и если случайно ощущала движение ребёнка, то, приподняв голову, заботливо всматривалась в моё лицо. «Тебе не больно?» – спрашивали меня её карие глаза. Я улыбалась и гладила её тельце, успокаивая это заботливое собачье чудо: «Не больно! Не волнуйся!» Она устраивала свою мордочку на моей руке, слегка прикрывала глаза, готовая в любую минуту на подвиг ради близкого человека. В таком режиме мы прожили девять месяцев. Настал от-

ветственный момент – сборы в больницу. Чанка не находила себе места, нервничала, путалась под ногами, пробовала обратить на себя моё внимание, но мне было не до неё, мне хватило сил только посмотреть ей в глаза и сказать: «Жди нас...»

Через неделю я вернулась домой уже не одна, а с маленькой дочкой. Чанка встречала нас у ворот дома, повизгивая, поскуливая, виляя хвостом, подпрыгивая и царапая мои ноги. Мне пришлось нагнуться и показать ей маленький свёрточек с розовым бантиком.

Собачка свёрток обследовала, обнюхала, затем посмотрела на меня многозначительно: «Наш ребёнок!» И с гордостью побежала к дому, постоянно оглядываясь и останавливаясь, поджидая меня. Я следовала за ней и посмеивалась. «Интересно, что Чанка придумала, что она делать дальше будет?!» Каково же было моё удивление, когда я обнаружила Чану в детской комнате под кроваткой. Я поняла, что с этой минуты моя дочь получила преданную няню. Чана не только охраняла ребёнка, но и ещё прибегала ко мне на кухню, лаяла и требовала, чтобы я срочно вернулась к дочери, так как дочь начинала кряхтеть.

Она с умилением смотрела на то, как я кормила доченьку, внимательно следила за процессом пеленания, рычала, когда я неправильно, с её точки зрения, купала дочку. Чана стала примерной второй мамой! Позже, когда Ната подросла, собачка стала её преданной подружкой. Чана позволяла себя

пеленать, укачивать и укладывать спать. Когда Ната пошла в первый класс, Чана сопровождала нас до школы, а затем встречала.

Позже у меня родился сын. Чанка приняла и его в свои собачьи объятия.хлопот, правда, у неё прибавилось: двое детей – это не шутка! Когда дети начинали бегать, визжать, кидаться подушками, это была для неё настоящая трагедия. Сердце её разрывалось на части: она не знала, кого спасать – Мишку или Натку. Она рычала и хватала то за штанину, то за платице, дёргала и громко лаяла, призывала к тишине и спокойствию. Затем, понимая, что ничего не добьётся, бежала за помощью к взрослым. Я прибежала – и водворялся мир.

Чана с облегчением устраивалась в кресле, но бдительность не теряла и ушки держала на макушке. Дети выросли, да и Чана повзрослела. Теперь дети ухаживали за ней, нянчились, кормили вкусностями, оберегали, волновались, если она болела. А потом случилось несчастье. Чану сбила машина. Это было горе всей семьи. Мы все рыдали от жалости и беспомощности: Чана умирала у нас на руках. В её глазах застыла боль, понимание своей участи и мольба: «Прости меня и береги детей!»

Мы похоронили Чану, наше собачье чудо, недалеко от дома, под красивой елью. Долго горевали и чувствовали пустоту в сердцах и в нашем доме. Но так больше и не смогли открыть сердце другому собачьему чуду.

Сергей Ердяков

Рабочий посёлок Сухобезводное,

Нижегородская область

Родился в 1953 году в городе Шахунье Горьковской области. В 1975 году окончил радиофизический факультет Горьковского государственного университета. Работал на Казанском оптико-механическом заводе, на Краснодонском заводе «Юность» инженером, начальником бюро, начальником лаборатории, главным конструктором завода. В 1985 году окончил Ворошиловградский институт патентования. Обладатель знака «Изобретатель СССР».

С 1992 года занимался предпринимательской деятельностью. В период с 2009 по 2023 год работал в Нижнем Новгороде начальником отдела в частном предприятии.

Публиковался в журнале Zeitglas. Автор книг: «Дорога по вертикали» (2003), «Мир вокруг нас» (2005), «Вернисаж» (2007). В 2011 году принят в состав писателей России в Восточно-украинской писательской организации им. В. И. Даля (Луганск).

Кто ты?

О чём говоришь, незнакомец, о чём?
Твой глас то журчит, то кусает огнём.
И в эту декабрьскую раннюю стужу
обжёт ты мою изболевшую душу.
А значит, о главном и только о нём.

Мне больно не меньше тебя, что опять
железом поганят родимую пядь
и ради наживы идут напролом,
заветы столетий круша сапогом.
И средство от боли в мой век не сыскать.

Кто ты? И зачем здесь, на грешной земле,
где правит без правил бумажная рать?
Своё принести иль последнее взять,
лучом осветить или скрыться во мгле?..

Русь моя

Русь моя – боль изначальная
непроходящих тревог,
песней народной венчальная
в храмах вдоль снежных дорог.

Линии, линии, линии
сети железных путей.
Окна январского инея —
вновь на тропинке моей.

В воздухе кружат названия
станций, платформ, поездов.
Сколько мелькнёт без признания
снегом прикрытых крестов.

Сколько мелькнёт без значения
брошенных враз деревень.
И в пожеланье везения
долг в прошении день.

Вьюга с холодным безличием
прячет под снегом следы.
В окнах с безбрежным величием —
лики святой красоты.

Дорогие мои старики...

Вас я не видел с прошлого лета.
Год расстояний меж нами лежит
да полоса пограничного цвета,
и незаметно как время летит.

С возрастом тает момента стремленье
быстро уладить поездкой дела.
Короб проблем в повседневном круженье
листьями осень сполна намела.

Вы меня жить и работать учили,
верить, любить и ценить по делам.
Пусть разделяют нас годы и мили —
«ваше» в себе никому не отдам.

В каждой минуте грядущих исканий
чувствую связи незримую нить.
Сколько бы ни было встреч, расставаний,
хлопоты ваши вовек не забыть.

Помню и лес, что зелёной стеною
рядом с домами собором стоит.
Свежесть той дальней поры, что с зарёю
утренним сном с пирогами парит.

Ваши заботы, со мной они будут,
много их, словно травинки в стогу,
с ними теплее, мороз не остудит.
Я навсегда перед вами в долгу.

Молитва

Моё драгоценное брeнное тело —
основы немерной моей паладин²
и с мокрых пелёнок до кромки предела
попутчик, извозчик и маленький джинн.

Жаль, часто излишне, порой неумело,
тебя забивал, как берёзовый клин,
в сучки и извилины мнимого дела,
и время вдогонку итожило — «блин».

Прости и за то, что в угоду порыву
летел, натываясь на холод властей,
«плутал от ума» над межою обрыва,
стирая в лохмотья рисунок ладоней,
и дни — своенравные дикие кони —
неслись в лабиринте огня и камней.

Дней сколько осталось на нашем отрезке —
нам высшим решением знать не дано.
Слегка затерялось в слоях арабески
с желанием видеть рассветы окно.
Туманы — не лучший подарок погоды,

² Паладин — храбрый, доблестный рыцарь (устар.), бескорыстный, благородный приверженец кого-, чего-л. (трад. — поэт.).

и катятся следом за солнышком годы.

Не дай пересохнуть живительной влаге,
не дай поскользнуться в чужой стороне,
ни разу не быть наяву и во сне
среди белых халатов распятым на плахе.

Скажи, подскажи и хотя бы вчерне
дай план наступленья незваной ватаги,
чтоб клеточкой каждой стремиться к весне
под чёткую поступь неспешного шага...

Двенадцать месяцев Венок сонетов

І. Январь

Морозное утро – как праздника след
по просекам белым в берёзовый лес.
Еловый, ольховый, сосновый отрез
на солнце блестит серебром эполет.

Жаль, тянется долго январский рассвет.
Да струйкою дым из тепла до небес,
где месяц пристроил свой тоненький срез.
И иней на окнах – нелепый портрет.

С морозом ложатся на ворот нашивки,
и щёки краснеют румянцем наливки,
в ресницах – замёрзшие капли слезинок.

Мгновению солнышка каждому рад,
и день удлиняет минутой закат
сквозь гамму хрустальных янтарных снежинок.

II. Февраль

Сквозь гамму хрустальных на солнце снежинок
февраль распушил облака на весу,
невидимой кистью подправил красу,
добавив к восходу янтарных крупинок.

Прохожий роняет от ветра слезу,
устроив с погодой себе поединок.
Метель закружила пространство в лесу,
прибавив на белый ковёр серебринок.

Облеплены снегом столбы и дома,
лютует без праздников месяц-зима
под взгляды бесчувственных звёзд-сиротинок.

Всё чаще и в парках, и в скверах слышны
различные звуки живой седины
с капелью, с капелью смеющихся льдинок.

III. Март

С капелью, с капелью смеющихся льдинок
тускнеет под солнцем искрящийся снег.
Ручей начинает свой первый разбег,

и мокнет в дороге под вечер ботинок.

Подбросит метели зима с лесосек
под звуки далёких декабрьских волюнок.
А время готовит июньский забег
аккордом из первых несмелых дождинок.

Настой из снежинок, деревьев и солнца,
и каждому дню улыбнётся оконце.
Веснушки, веснушки блестят на носу.

Лыжни разбухает проложенный след,
и после холодного царства в лесу
волшебным покажется первый букет.

IV. Апрель

Волшебным покажется первый букет
с оттенками синего неба и снега.
Деревья окутала томная нега,
набухшие почки – в коричневый цвет.

То пепельно-хмурый, то алый рассвет,
и лужей оставлен от холода след.
Берёзы, берёзы стоят все в соку,
и красная бровь глухаря на току.

Лежит под деревьями снега шрапнель,
а в мягких тонах на холстах – акварель,
где в зелени первой проснулись луга.

С полуденным роем оживших примет
весна наступает, и виден слегка
цветущего мая божественный свет.

V. Май

Цветущего мая божественный свет,
и настежь распахнут небесный проём.
Предвестником скорых и тёплых побед
свинцовый в полнеба гремит окоём.

Прелюдию к гимну готовит рассвет.
Меняется темп с наступающим днём,
безудержно вторит лесной водоём.
Да в вечер соловушки чудный сонет.

Весна на ладонях, весна на листве,
да в утренней россыпи жёлтых кувшинок.
И бродит настой, захмелев, в голове.

Черёмух метель и сирени набат,
да розовый и золотистый закат
весь соткан из летних ночей и травинок.

VI. Июнь

Весь соткан из летних ночей и травинок
июньский ковёр, что с каймой голубой.
Алмазное солнце – в пригоршне росинок,
и радуга с дождиком над головой.

Подружки-берёзки прикрылись фатой
что соткана вновь из белёсых пушинок.
Поляны – в цветастом узоре косынок,
и вьётся густой земляничной настой.

Зелёное море колышут ветра,
и с золото-розовой песней костра
в обнимку с рассветом сидят вечера.

И свежесть прольётся под утро из крынок
малиновым звоном далёких глубинок,
игрою прибоя и жёлтых песчинок.

VII. Июль

С игрою прибоя и жёлтых песчинок
загар в шоколаде. Простор синевы,

и тихая заводь речной бечевы.
Да сладостна тяжесть ивовых корзинок.

Жара тонким слоем всё сущих пылинок
застыла в объятиях сонной листвы.
Раздолье склонённой, духмяной травы
среди разноцветных, как ситец, тропинок.

Поля так похожи на корочку хлеба,
и вечер – как кружка с парным молоком.
Уходит день в завтра полоской в полнеба
по зорьке румяной, идя босиком.
И лаской, и сказкой ночными одет,
на юг уплывает туманный рассвет.

VIII. Август

На юг уплывает туманный рассвет,
в утренней неге – воскресные сны.
В чащобах под шляпкой сидят колдуны
и прячут под хвоей от хвори секрет.

Тепло убывает из летней казны,
и солнышка ярость уже в полцены.
В палитре всё чаще – соломенный цвет,
сиреневой дымкой край ночи одет.

Медовые щёчки и яблочный Спас,
и овощ ведёт на прилавках рассказ,
фруктово-слоёный вокруг аромат.

Серебряной нитью блестит звездопад,
и ветер плетёт в облаках кружева,
вальсируют плавно в закате слова.

IX. Сентябрь

Вальсируют плавно в закате слова,
и первую скрипку выводят берёзы.
Зелёное лето теряет права
на золото вновь предлагаемой прозы.

В ветвях паутинкой запутались грёзы —
несбывшийся отпуск – карма такова,
что главной бывает природы глава,
где в небе свинцовые мчатся обозы.

Тепло за дождями идёт невпопад,
но радует глаз разноликая осень,
где золота, меди – некопанный клад.

Меж тучек ложится бездонная просинь.
Под ветром желтеет и сохнет трава,
и дни улетают, как с древа листва.

Х. Октябрь

А дни улетают, как с древа листва,
и небо шумит, разливаясь дождём,
да старый, раскрашенный охрой альбом
на солнце горит позолотой едва.

Нет чудных мгновений и нет волшебства
на мрачном просторе, огромном, пустом.
Тускнеет, сереет небес синева,
да солнышко греет немножечко днём.

Исчезли напевы лесной тишины,
лишь шорохи листьев упавших слышны.
Дождливые мысли спешат поневоле.

Чернеет земля на вспаханном поле.
Темнеют стволы без ажурной оправы.
Ложатся под ветром пожухлые травы.

ХІ. Ноябрь

Ложатся под ветром пожухлые травы.
Дубы засыпают ватагой лесной.

На фоне посадки холодной, пустой
закончились осени тёплой забавы.

Не взять уже больше сентябрьской октавы,
где вечер украшен каймой золотой.
Мешая снежинки с опавшей листвою,
ноябрь разгоняет вороньи оравы.

От красок бывшего не видно следа,
и лужей скучает немая вода,
где тонут бесследно сонливые дни.

Погоду природа меняет не зря,
чтоб в памяти долго не гасли огни.
И осень уходит под снег декабря.

ХII. Декабрь

А осень уходит под снег декабря,
под белое с серой ворсой покрывало,
и созданным очень давно ритуалом
позёмка равняет дороге края.

Мороз выпускает пудовое жало,
на ветках рябины вспугнув снегиря.
Деревья и окна в ажур серебра —
так месяц своё предлагает начало.

Тягучее утро и длинные ночи,
свинцовые тучи спешат в никуда,
и тусклое солнце в гостях иногда.

А ясное небо мелькнёт между прочим
орнаментом звёздным, игрой января,
огнями игрушек на ёлке горя.

XIII. Новый год

Огнями игрушек на ёлке горя,
краснеет меж веток Дедуля Мороз.
И всё, что собрал и в ладонях принёс,
осталось в страницах закладок не зря.

Здесь собран из листьев букет сентября,
расписан батист на стволах у берёз.
Здесь ищут друг друга ответ и вопрос
и пропуски в новой главе словаря.

Иголкой расшит новогодний наряд,
а год то ли был, то ли будет хорош
под звоны курантов великой державы.

И в раннее утро, а может, в закат
под пологом неба в объятиях рощ

рождаются прожитых месяцев главы.

XIV. Меняясь по кругу

Рождаются прожитых месяцев главы,
а год уплывает всё дальше от нас.
Различно проходят обиды, забавы —
и только забота от любящих глаз.

Как часто бываем с природой не правы,
сидя за стеклом, поучаем не раз.
А мягче травы могут быть только травы,
где солнце запуталось в утренний час.

Меняясь по кругу, вращаются: осень,
поляны фиалок, бездонная просинь
и прелесть костра, и загулы ветров.

Быть может, о главном напомним букет
из прожитых месяцев, как из цветов,
морозное утро, как праздника след.

XV. Двенадцать месяцев

Морозное утро, как праздника след,

сквозь гамму хрустальных на солнце снежинок.
С капелью, с капелью смеющихся льдинок
волшебным покажется первый букет.

Цветущего мая божественный свет
весь соткан из летних ночей и травинок.
Игрою прибоя и жёлтых песчинок
на юг уплывает туманный рассвет.

Вальсируют плавно в закате слова,
и дни улетают, как с древа листва.
Ложатся под ветром пожухлые травы.

И осень уходит под снег декабря.
Огнями игрушек на ёлке горя,
рождаются прожитых месяцев главы.

Дорога – и сказка, и быль

Венок сонетов

I. Да движется снова в дороге клубок

Так было в огромном количестве лет:
сияет усыпанный звёздами свод,
весны долгожданной несмелый приход,
любви бесконечной звучащий сонет.

Сонет, что в одежды из солнца одет,
прохладой навеян и свежестью вод.
А время летит, убыстряя свой ход,
и яркий на миг озаряющий свет.

Укроет недолгая путника тень,
и ночь затеряет прошедшее в день.
Да ждёт адресата чуть смятый листок.

Стоит на дороге препятствий стена,
но движется брошенный в ноги клубок,
и сказкой, и былью дорога полна.

II. И курсом ложится на солнечный брег

И сказкой, и былью дорога полна,
и кружат листвою седые года,
то вьюгой, то в вальсе. И их черед,
как в каждом моменте – зима, то весна.

На каждом отрезке – снегов белизна,
и синее небо, и бездн чернота,
тихонько журчит под обрывом вода,
да горных вершин и удач крутизна.

Побед, поражений составлен листок.
где запад отмечен, отмечен восток.
Дорога свершений полна и длинна,
но самую главную до дома вела.
И в память, что в сердце своём сберегла,
сияют, как звёзды, эпох имена.

III. Всё манит, как прежде, серебряный век

Сияют, как звёзды, эпох имена.
Огромен, могуч девятнадцатый век,

где прозы великой златы времена,
поэзия схожа с разливами рек.

Талантов, обид, унижений волна,
различных течений и новшеств забег,
а это серебряный, скажут навек.
Гордиться им будет не только страна.

Дорогу в известность не каждый найдёт,
Прекрасное в мире повсюду живёт.
Из собранных знаний стоят терема:
где прошлых открытий блистающий свет,
и компасом служат учений тома,
да смыслом глубоким оставлен завет.

IV. Талантов и помыслов вечный исток

Со смыслом глубоким оставлен завет,
кто знает историю, в схватке силён.
Готовя заранее меч, арбалет,
надёжен в защите всегда, испокон.

А край, что враждой на куски разделён,
теряет всю силу за несколько лет.
Он будет до ниточек всеми раздет
иль брошенным домом без целых окон.

Заветы потомков обязан беречь,
уста их глаголили мудрую речь.
Полученный ранее нужный ответ
скрывает частенько веков пелена.
Да жизнь исключений из правил полна,
и в каждом из нас затаился секрет.

V. Различным мгновеньям отпущен свой срок

Да, в каждом из нас затаился секрет,
пружиною сжатой до срока лежит,
обманчив бывает, порою молчит,
не выльется песней иль делом на свет.

Различен и в пьесах, и в жизни сюжет,
различен актёра и зрителя вид.
В умелых руках и работа кипит,
да с опытом, с потом останется след.

На свете хорошее, доброе есть.
Не редкость, как в прошлом, — отвага и честь.
Смекалку и юмор вовек не отнять.

В походе преградой не будет стоять
вагон мелочей и пустая казна.

Изюминка всем нам с рожденья дана.

VI. Велик и красив в доброте человек

Изюминка всем нам с рожденья дана.

Сверкая талантом, всех красит она,
чтоб каждый по-своему прожил свой час,
создав непременно и собственный сказ.

Но прежде, как звоном зальётся струна,
настроить, отладить придётся не раз.
Терпенья и мужества нужен запас,
чтоб словом владеть и слагать письма.

Не зная вопроса, не сыщешь ответа.
А шага не будет, не будет и следа.
Да время летит – не отстрочить никак.

Изюминка эта итогом красна,
не скроешь её и не спрячешь в кулак.
Потерь и успехов различна цена.

VII. Опасны вершины, но манят вовек

Потерь и успехов различна цена.

Различен к вершинам и в пропасть полёт.
Орёл или решка, да нечет или чёт,
сегодня и завтра, во все времена.

Как прежде, влечёт новизной целина,
а в спину – сомнений ветра напролёт.
Дорога не брага, дорога не мёд,
но манит наградой и славой она.

Никак невозможно прожить без потерь,
они, словно осы, – в открытую дверь,
и их чехарда – как свалившийся ком.

Бывает, нет сил и желания нет,
но душу тревожит капель за окном,
и манит вперёд зачарованный свет.

VIII. Огромные дали немерных дорог

Сияет вдали зачарованный свет,
и где-то токуют в лесу глухари
в преддверии новой желанной зари,
и прячется сказочных тайн силуэт.

В далёкое детство не купишь билет,
где ярких моментов горят фонари.
На встречу с прекрасным спешат январь,

оставив на окнах запутанный след.

Сказания ночи, действительность дней,
таинственность леса, просторы степей
лежат на ладонях несметных дорог.

Невидимых связей висят кружева,
как сеть тонких линий, где скрыты исток,
загадочность форм, разноцветий канва.

IX. Прекрасные виды есть миг волшебства

Загадочность форм, разноцветий канва.
Меняясь в объёме, плывут облака.
Теряясь в тумане, стоят берега.
Морозного утра небес синева.

Природа на каждом кусочке права,
шедевры она шлифовала века.
Но если бездумно коснётся рука,
то целостность будет в основе едва.

Под соло шагов, по тропинке цветной,
той целой, не смятой толпою людской,
на крыльях к цели возможно лететь.

Прекрасные виды есть миг волшебства,
в них вложено всё, чтобы душу согреть,
как золотом, в осень одета листва.

Х. Повсюду найдутся в поддержку слова

Как золотом, в осень одета листва
и ярким огнём на прощанье горит.
О сделанном шаге звенит тетива,
да выбор сегодня есть завтрашний вид.

В пройдённых дорогах кайма-бечева
несётся назад и полынью горчит.
От хамства, невежества сердце болит,
но рядом найдутся в поддержку слова.

Разлуки и встречи нельзя обойти,
играют заметный этап на пути,
как ночи и дни повторяются вновь.

Разлука сжигает в мученьях дотла,
спасает и вера, надежда, любовь
на каждом отрезке, где пропасть легла.

XI. Да счастье, что в мире есть слово «любовь»

На каждом отрезке, где тайна легла,
есть в сердце желанной весны уголок.
И сколько бы ни было трудных дорог,
любовь будет жить и живёт, и жила.

Решить невозможно набегом дела,
исчезнет в пространстве, что плохо сберёг.
В развязке событий так важен пролог.
Прекрасна любовь, где основа светла.

Любовь – это песня, любовь – это боль.
Как будто в театре всем роздана роль.
А только всех пьес до конца не прочесть.

Привычно в основе закручен сюжет.
Но если есть силы, стремление есть,
отыщется вновь тот потерянный след.

XII. Над каждым из нас есть особенный свет

Отыщется вновь тот потерянный след
забытых, затерянных истин и прав.
Сверкнёт драгоценный и редкостный сплав
под слоем накопленных, прожитых лет.

Искусственно созданный временем бред
меняет и облик, и созданный нрав.
Пред сильным так часто и слабый не прав.
Раздвинув локтями, скользит пустоцвет.

В единое слиты и доблесть, и грязь,
итоги прошедшие, с завтрашним связь,
и грохот в изломе сегодняшних дней.

А жизнь целиною по взгорьям легла
с надеждой, что будет однажды светлей,
какою бы долгою ни была мгла.

ХІІІ. Удача, как птица, появится вновь

Какою бы долгою ни была мгла,
и мир в начинаньях сегодня жесток,
итожит во времени прожитый срок
полоской, что белой за чёрной легла.

Невзгоды, удачи – два разных крыла
сегодняшней жизни, в которой игрок.

Размеренным шагом проходишь виток
к той цели, что курсом давно пролегла.

Всё спрятала мгла, и почти не видна
препятствий, заторов стоящих стена.
Изломы, проёмы надёжней пройти,
когда каждой клеточкой чувствуешь след.
Когда на тернистом и скользком пути
светлеет и чуть выплывает рассвет.

XIV. Светлеет и чуть выплывает рассвет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.